

МИНИСТЕРСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА СССР
КИШИНЕВСКИЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
ИМЕНИ М. В. ФРУНЗЕ
КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ

74-5
525
2525

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ

*Под общей редакцией
члена-корреспондента АН МССР,
профессора Д. Т. УРСУЛА
и доцента Л. П. ДЕРГАЧЕВОЙ*

И. Я. ЦВИК

АСПЕКТ «ДОЛЖНОГО» В НАУЧНОЙ ЭСТЕТИКЕ Г. В. ПЛЕХАНОВА

Теоретическая разработка проблемы неотразимого воздействия на искусство и эстетику идей классов и классовой борьбы — важнейшее достижение эстетической теории Г. В. Плеханова. Это воздействие, несомненно, должно было сказаться в эстетике привнесением откровенной публицистической страстности. Между тем Плеханов дал ряд формулировок научной эстетики, казалось бы, развернутых под углом зрения объективизма. «Плеханов разошелся с Чернышевским по вопросу о долженствовании и тем сделал шаг назад от революционно-демократической эстетики» — таков был резонанс на плехановское определение научной эстетики. Получилось нечто совершенно несообразное с тем, что следовало из философско-эстетической теории Плеханова. Как известно, эта несообразность была всецело отнесена на счет его политических ошибок, измены марксизму и т. д. Но даже в пору глубоких заблуждений философская концепция Плеханова оставалась верной принципам диалектического и исторического материализма.

Чем же объясняется это явное противоречие? И, наконец, что скрывается за «критическими лесами» плехановской аргументации против долженствования?

Стремление ответить на эти вопросы непременно наталкивается на необходимость уяснения положений Плеханова о классовой тенденциозности искусства, литературы, эстетических теорий. Они складывались и развивались под знаком борьбы против теорий субъективных социологов, чей образ мыслей был в достаточной мере выяснен уже в конце прошлого — начале нынешнего столетия, подвергнут радикальной критике Плехановым и окончательно разгромлен Лениным. Не останавливаясь на общеизвестных фактах этой борьбы, заметим лишь, что в плоскости рассматриваемых вопросов она сводилась, главным образом к следующей проблеме:

В чем основательность пристрастия, обнаруживаемого личностью в процессе проявления ею социальной активности, — в самой личности или вне ее?

Плеханов был убежден, что говорить о независимости великого человека от общественной среды бессмысленно. Великие живописцы эпохи Возрождения, — писал он, — не создали ее художественного направления, но лишь выразили его. Оно развилось бы и без них, в другом исполнении, может быть, менее значительном: «В области искусства гений дает наилучшее выражение преобладающей эстетической склонности данного общества или данного общественного класса»¹. Человек велик прежде всего своей способностью служить общественным нуждам эпохи, ее великим целям — в этом вся его сила, в этом **основательность** его социальной активности и его **действительных** возможностей.

Личность во все эпохи была **пристрастна**, убеждение в беспристрастном состоянии умов, возникающее от времени до времени, как неустанно показывал Плеханов, не более чем иллюзия. Но субъективность сторонников марксизма коренным образом отличается от субъективности адептов учения о безусловной свободе и могуществе личности в истории. Для защитников субъективного метода критерий истины заключен в субъекте, а пристрастность выступает как симпатия к безосновательному «должному». Для марксистов критерий истины — в самих общественных отношениях, общественной практике, и потому отличен и **характер пристрастности**. Изображение борьбы антагонистических сил, писал Плеханов, неизбежно приводит писателя на сторону одной из них. В этом смысле он будет субъективен, но это совершенно не мешает ему, если «он не станет *искажать те реальные экономические отношения, на почве которых выросли борющиеся общественные силы*»².

В этой субъективности писателя отчетливо просматривается классовая, политическая тенденциозность. С замечательной ясностью очерчивает Плеханов методологию исследования проблемы приспособления идеологии к различным состояниям общественных отношений: «Диалектический взгляд на борьбу классов, как на богатый источник духовного развития Западной Европы, требовал как своего естественного дополнения диалектических же соображений о том, каким путем дальнейшее течение классовой борьбы определит собою дальнейшее направление западноевропейской мысли»³.

Фазы развития, обострения классовой борьбы обуславливали фазы становления классового самосознания.

¹ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. I, М., 1956, стр. 667.

² Там же, т. I, стр. 671.

³ Там же, т. IV, стр. 575—576.

Эволюция формирования осознанной классовой тенденциозности включает ряд этапов, целиком связанных с состоянием общественных отношений. Существенным проявлением этого процесса является отношение к классовой борьбе.

Будучи революционным классом, французская буржуазия, как показал Плеханов, выражала интересы всей нации за исключением аристократии. В этот период идеологи буржуазии высоко оценивали значение классовой борьбы, указывая на ее роль в социальном и духовном прогрессе. Плеханов одобрительно отзывался о трудах Гизо, державшегося убеждения, что литературная история страны есть продукт ее социальной истории.

В общесоциальном плане этот период характеризовался неразвитостью классовых отношений и, следовательно, неразвитостью политического сознания как буржуазии, так и рабочего класса. Подобное состояние сохранялось до тех пор, пока экономическое развитие Франции не привело к углублению межклассовых противоречий. Возросшая политическая самостоятельность пролетариата обусловила отрицательное отношение буржуазии к классовой борьбе (после 1848 года тот же Гизо становится сторонником социального мира).

Процесс становления классовой тенденциозности Плеханов рассматривает на обширном материале истории искусства, литературы, общественной мысли как Западной Европы, так и России, с глубоким удовлетворением подчеркивая выдающиеся заслуги революционных демократов в осмыслении значения классовой борьбы. Таков один из этапов становления классовой тенденциозности в идеологии (своеобразно: и в искусстве и в литературе — именно аполитизм как следствие неразвитости классовых отношений обнаруживает Плеханов у французских романтиков 30-х годов прошлого столетия).

Другой, не менее выразительный момент этого процесса Плеханов обнаруживает в отношении буржуазии к революционной теории пролетариата. Оборонительная позиция не возбуждает любви к диалектике. Отрицательная реакция буржуазии на материализм обуславливается, по словам Плеханова, «появлением революционного пролетариата на всемирно-историческую сцену»⁴. Плеханов указывает на деградацию буржуазии, на ее предрассудки, в силу которых она отождествляет материализм с вульгарным практицизмом. При этом классовая тенденциозность может проявляться и не прямо, а в «условной лжи», когда буржуазные идеологи, отказываясь от материализма публично, в специальных исследованиях придерживаются материалистической точки зрения,

⁴ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, М., 1956, т. III, стр. 222.

отвергая при этом ее основную идею. Чем сильнее классовая борьба расшатывает существующий порядок, тем сильнее распространена «условная ложь».

Различные состояния производственных отношений (следовательно, и фаз классовой борьбы) отражаются на взглядах людей, которые их представляют, это, во-первых, и на характере познания, во-вторых. Углубление и обострение классовых противоречий привело к тому, что ученые представители буржуазии, «ослепленные интересами своего класса», «давно уже утратили всякую способность к объективному научному исследованию общественных вопросов», буржуазные экономисты превратились в «воинственных охранителей и стражей капитала, направляющих все свои усилия на то, чтобы перестроить с военными целями самое здание науки»⁵. Как актуально звучат теперь эти мысли Плеханова, когда буржуазная партийность выступает в форме неприкрытого эгоизма!

Буржуазная тенденциозность сказывается и в предпочтении полезного с позиции классового эгоизма перед истинным. Из буржуазных исследований истории идеологии исчезает не мысль об обусловленности искусства и литературы общественной средой, но мысль о классовой структуре общества и классовой борьбе. Именно потому, как писал Плеханов, «там, где речь заходит об общественных отношениях, а следовательно, и об интересах различных классов или слоев населения», следует помнить, что «в интересах меньшинства было искажать истину во всем том, что касалось этого основного факта общественных отношений»⁶. Плеханов с большой отчетливостью обнаружил это в литературно-критических анализах пьес Гамсуна, Бурже, де-Кюреля и др.

Классовый интерес проявляется и в характере защищаемой идеологии. По словам Плеханова, господствующий класс всегда расположен защищать общественную несправедливость. Политическая тенденциозность непременно сказывается на пристрастном характере общественных наук. Плеханов называет «до последней степени наивными» людей, которых удивляют выражения «буржуазная философия», «пролетарская теория». Общественная наука не только может или должна быть — она по существу носит классовый характер. «...когда пролетариат начинает восставать против господства буржуазии, тогда в его среде начинают распространяться теории, выражающие собой его антибуржуазные стремления»⁷. Пролетарская теория, буржуазная философия существуют в действительности.

⁵ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, М., 1956, т. I, стр. 88.

⁶ Там же, т. V, стр. 467.

⁷ Там же, т. III, стр. 444.

Искусство и литература всегда выражают художественно осмысленные интересы классов. Даже эпохи так называемого общественно-политического индифферентизма не представляют исключения — такой индифферентизм представляет собою лишь одну из разновидностей общественного (или классового, или группового) настроения, т. е. сознания»⁸. Тенденциозность в указанном смысле порой облекается и в форму мистицизма, религиозных исканий (своеобразное преломление классовой роли религии), как это имело место, например, у русских декадентов.

В ходе классовой борьбы происходит процесс становления **пролетарской партийности**. Плеханов часто ссылался на положение Энгельса, что уже со средних веков люди сознавали несправедливость классовых противоположностей. Но до 1830 года эти мысли не встречали отклика в «работающей и страдающей массе». Революционные идеи нашли отклик лишь в пролетариате. Его развитие сопровождается становлением его самосознания, его понимания возможности уничтожить классы и необходимости осуществить это, чтобы не погибнуть.

Процесс уяснения связи экономики и политики, — писал Плеханов, — процесс медленный. Лишь со временем угнетенные сознают себя классом и приобретают руководящую идею. А до этого нередки факты, когда рабочие ведут экономическую борьбу, будучи в то же время членами той или иной буржуазной партии.

Определенность экономических отношений обуславливает не меньшую определенность в политических группировках. Антагонизм труда и капитала вызывает **борьбу рабочих партий с буржуазными**. Развитие противоречий приближает борьбу к концу и обеспечивает торжество пролетариата. Только служение интересам класса, являющегося носителем социального прогресса, может способствовать выходу за пределы узкоклассового эгоизма. Партия может объединиться «со всей страной» только в этом последнем смысле. Теперь рабочий класс, — утверждал Плеханов, — выражает интересы **всей нации**, исключая интересы эксплуататоров. Его партия может действительно объединиться «со всей страной».

Рабочая партия должна обладать чрезвычайной активностью, ей не следует ждать стихийного становления классового самосознания пролетариата, его тенденциозности. Социал-демократия «внесет в рабочий класс сознание, без которого невозможно начало серьезной борьбы с капиталом», партия придаст революционному движению «такую силу, прочность и интенсивность, о каких невозможно и мечтать, оставаясь при старых «программах»⁹.

⁸ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения. М., 1956, т. IV, стр. 342.

⁹ Там же, т. I, стр. 351.

Таковы взгляды Плеханова (несомненно, очерченные бегло) на проблему становления и развития классовой тенденциозности буржуазии и пролетариата. Отдельные положения, стороны, моменты этих взглядов близки ленинскому пониманию классового и партийного характера идеологий. Эта близость, свидетельствуя о несостоятельности **противопоставления** Плеханова и Ленина, все же ограничивается отдельными суждениями, — они не нашли последовательного развития в принцип партийности, который отвечал бы требованиям высоко развитой борьбы революционного пролетариата начала XX столетия. Этому, конечно, способствовали известные политические, тактические, организационные ошибки Плеханова, глубоко вскрытые Лениным.

Ввиду вышеизложенного очерка взглядов Плеханова на проблему классовый тенденциозности идеологии (искусства и литературы — в частности) становится правомерным и вопрос о сложной, противоречивой оценке им категории должностования у революционных демократов России. Должностование, которому их эстетика придавала выдающееся значение, представлялось Плеханову следствием нормативного, **просветельски отвлеченного мышления**. По его убеждению, мировоззрение революционеров 60-х годов XIX века вполне умещалось в границах европейского просветительства.

В отличие от Плеханова Ленин в своей известной концепции «наследства» не делает упора на отвлеченность мышления революционных просветителей — она подразумевается как историческая неизбежность. Между тем, акцент приходится на существо их конкретно-практической деятельности, на их идеалы, на выражение ими интересов угнетенного крестьянства. По поводу суждения Плеханова о том, что Чернышевский сосредоточил свое внимание исключительно на «теоретической» деятельности человечества, В. И. Ленин заметил на полях: «Таков же недостаток книги Плеханова о Чернышевском»¹⁰.

В работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» Ленин писал об идеалах «первых русских социалистов»: «*Вера в особый уклад, в общинный строй русской жизни; отсюда — вера в возможность крестьянской социалистической революции* — вот, что одушевляло их, поднимало десятки и сотни людей на героическую борьбу с правительством»¹¹. Как и Ленин, Плеханов видел в революционных демократах предшественников российской социал-демократии, но, сосредоточив внимание преимущественно на их теоретическом развитии, он не сумел до конца обнаружить новую черту, характерную для разночинного эта-

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 550.

¹¹ Там же, т. I, стр. 271.

па освободительного движения России. Она состояла, говоря словами Плеханова о декабристах, в «психологической необходимости действия». Так Плеханов увидел в должествовании лишь выражение субъективистского понимания истории, не разглядев отразившегося в нем мировоззрения крестьянских революционеров.

«Защита интересов масс» корректировала эстетические взгляды революционных разночинцев. «Поэт, — писал Д. И. Писарев, — или великий боец мысли, бесстрашный и безукоризненный «рыцарь духа», как говорит Генрих Гейне, или же ничтожный паразит, потешающий других ничтожных паразитов мелкими фокусами бесплодного фиглярства. Середины нет»¹². Их эстетика пронизывалась идеей **революционной публицистичности**, означавшей решительное и всестороннее отрицание господствующей действительности с позиций угнетенного класса.

Идея революции была центральной в этике и эстетике революционных демократов. Революционная борьба представлялась не только единственно правильной линией поведения, но еще приобретала характер **прекрасного**. Вопрос «Чем должно быть искусство?» характеризуется таким образом этико-эстетическим содержанием.

Критическая оценка Плехановым категории должествования обнаруживает и позитивную сторону: стремление развить идею революционной публицистичности, противопоставив ее отвлеченностям историко-идеалистического характера этой категории. Предлагая искусству художественно освоить идеи пролетарского движения, Плеханов признавал необходимость **сознательного внесения пролетарской публицистичности** в искусство и литературу.

Идея публицистичности в искусстве и понятие «публицистическое искусство и критика» для Плеханова не равнозначны. Первое — это направленность искусства, отражающего реальную действительность в свете классового мировоззрения. Второе — присутствие в художественном произведении независимых от его эмоционально-образной структуры политических, социальных, нравственных и пр. отвлеченных рекомендаций.

Плеханов говорил о критике 60-х годов XIX столетия, что она «смотрела на литературные явления исключительно с публицистической, а не с социологической точки зрения»¹³. Различие между этими взглядами представляется ему весьма значительным — как различие между историко-материалистической концепцией и историческим субъективизмом. Если для диалектического материалиста основательность стремле-

ний означает, что ход развития истории в них верно отразился и этой верностью сообщил стремлениям «несокрушимую силу», для субъективиста критерием служит приговор личности над объективными явлениями с точки зрения желательности. Но относительно перспектив развития действительности у него фантастические представления.

Возражения Плеханова относятся именно к данному моменту должествования. Указанная фантастичность не могла быть замечена революционерами-демократами, — говорит он, — этот взгляд становится «заметным с точки зрения учения Маркса». Но вместе с тем это совершенно не устраняет отрицательного влияния отвлеченного элемента должествования на эстетику и художественную практику.

Исторический субъективизм, сообщавший неосновательность стремлениям общественных деятелей, — вот, что осуждал Плеханов в проповеди и аргументации категории должествования. Он совершенно не отрицал того факта, что искусство «очень сильно способствует развитию общественного сознания», но добавлял при этом, что его обоснование излагалось в просветительской окраске: «Белинский вводил тут категорию должного, и оставалось сделать еще один только шаг, чтобы взглянуть на литературу, как на орудие распространения в обществе определенной системы просветительских понятий»¹⁴.

Совершенно очевидно, что Плеханов выступил не против пропагандирования искусством и литературой передовых идей, но против «просветительских», т. е. историко-идеалистических идей и понятий. В этом случае литература не могла бы способствовать развитию общественного сознания. А. В. Луначарский удивительно точно заметил эту сторону плехановской критики. Он писал: «Плеханов борется с просветительством Чернышевского, то есть с его требованиями по отношению к литературе, чтобы она служила общественности, и его оценкой литературных явлений, прежде всего по степени этого их действительного служения»¹⁵.

Плеханов развернул аргументированную критику субъективистского понимания должного, показав его внеисторический характер. Наука должна не спорить с историей, но понимать должествование как следствие закономерностей исторического процесса; познание его закономерностей будет способствовать достижению идеала. Реальные средства этого достижения заключены в самой действительности.

С точки зрения исторического материализма, «должное» конкретизируется и выступает в теории Плеханова как «ста-

¹² Д. И. Писарев. Сочинения, т. 3. М., 1956, стр. 95.

¹³ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, М., 1956, т. IV, стр. 537.

¹⁴ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения. М., 1956, т. IV, стр. 591.

¹⁵ А. В. Луначарский. Собрание сочинений, т. 8, М., 1967, стр. 285.

новящееся» в результате объективного процесса общественного развития¹⁶. В. И. Ленин высоко оценил научное достоинство плехановской критики субъективистов конца прошлого столетия. Плеханов, по словам Ленина, «оставил совершенно в стороне вопрос о долженствовании, как праздный и могущий интересоваться лишь субъективистов, и все время говорил лишь о действительных общественно-экономических отношениях, о действительной их эволюции»¹⁷.

Критика Плехановым долженствования была направлена прежде всего против субъективистских предписаний, норм, ничего не имеющих общего ни с закономерностями развития общества, ни с закономерностями развития искусства. Эта антисубъективистская направленность проявилась в его известной формуле научной эстетики. Ее суть, по определению Плеханова, в следующем: наблюдая над возникновением и господством в различные исторические эпохи направлений, приемов и правил, эстетика не предписывает их искусству. Она не провозглашает вечных законов, но лишь исследует общественные силы, обуславливающие историческое развитие искусства; она чужда пристрастия к тем или иным литературно-художественным направлениям и школам. Возникающее пристрастие научная эстетика объясняет своеобразием состояния общественных отношений. Эта объективная критика «оказывается публицистической именно постольку, поскольку она является истинно научной»¹⁸.

Этим определением Плеханов вызвал многочисленные упреки в объективистской беспристрастности, в том, что «обрекает художественную критику на пассивное созерцание, оспаривая ее право бороться за то, что должно быть, за определенное направление искусства»¹⁹, и т. д. Особенную критику вызвало суждение Плеханова, что художники различных направлений правы по-своему, что точка зрения долженствования в этом случае неприменима.

В действительности плехановское понимание научной эстетики основывается на историко-материалистическом принципе обусловленности идей экономикой общества, классами и классовой борьбой. Этот принцип определил также поиски Плехановым объективных критериев истины. Подвергая критическому анализу книгу Рауля Рихтера «Скептицизм в философии» (автор в ней рассматривает отношение к избира-

тельному праву либералов и консерваторов и приходит к выводу, что все правы), Плеханов писал: «Но если каждый прав со своей точки зрения, то неужели не имеет смысла вопрос о том, чья точка зрения должна быть признана более правильной?»²⁰.

Отрицание объективных критериев, по мнению Плеханова, — следствие отнесения истины только к субъекту. История — это процесс общественного развития, в котором полезно все, что ему содействует, и вредно, — что замедляет его. Точка зрения **полезности** для общественного развития и есть объективный критерий, позволяющий судить о том, «какая из двух партий, спорящих между собою, менее ошибается или совсем не ошибается»²¹.

В основание критерия истины Плеханов ставил **классовый принцип**. Напрасно, — говорил он, — Рихтер огорчается тем, что люди защищают классовые интересы, а не интересы истины. Чтобы правильно понять ход развития идеологии, надо «обеими ногами стоять на точке зрения пролетариата»²². В этом пафос плехановской теории: **научная беспристрастность** вполне может ужиться с **пролетарским пристрастием** исследователя. Объективный критерий, по убеждению Плеханова, предполагал пристрастие эстетика или критика, стоящего на позициях марксистской философии, к истине, установленной ею. А это означало **пристрастие к идеям пролетариата**, который своим революционным движением подтверждает истину. Поэтому-то Плеханов и утверждал, что публицистичность эстетики обуславливается ее научностью.

Эти суждения Плеханова, как видим, не дают основания повторять выводы некоторых исследователей о разрушении им связи теории с практикой. Плеханов на деле осуществлял свои принципы: его статьи о литературно-художественных процессах различных стран, обусловленных классовой структурой и классовой борьбой, работы, посвященные обоснованию пролетарского искусства и литературы, аргументированная критика модернистских направлений — все это бесспорное свидетельство плодотворности **союза научно-объективного духа эстетики и пролетарской пристрастности критика**.

Плеханов понимал возможность обвинения в объективизме и не раз пояснял свою позицию. Он подчеркивал, что историзм как принцип исследования не означает пассивности критика: «Говоря, что художники самых противоположных направлений одинаково правы на свой особый лад, мы этим вовсе еще не заявляем, что лично нам каждый особый лад

¹⁶ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. I, М., 1956, стр. 441—442.

¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. I, стр. 198.

¹⁸ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, М., 1956, т. V, стр. 186.

¹⁹ М. М. Розенталь. Эстетические и литературно-критические взгляды Г. В. Плеханова. — В кн.: Г. В. Плеханов. Искусство и литература, М., 1948, стр. XXII.

²⁰ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, М., 1956, т. III, стр. 505.

²¹ Там же, стр. 506.

²² Там же, стр. 506—507.

одинаково приятен». Отстаивая положение, что развитие идеологии определяется не рационалистическими соображениями о «быть должнствующем», Плеханов отмечал: не скрывая своих сочувствий известному направлению в искусстве, мы не ограничиваемся праздными рассуждениями о его желательности, но способствуем становлению тех общественных условий, развитие которых, обусловит распространение желаемого направления. «Как видите, — заключал Плеханов, — это очень мало похоже на пассивное отношение к предмету»²³.

Отмечая декадентский характер буржуазного искусства, Плеханов писал, что у него «нет желания» оценивать это явление с точки зрения нравственности. «Я не говорю: современные художники «должны» вдохновляться освободительными стремлениями пролетариата. Нет, если яблоны должны родить яблоки, а грушевое дерево приносить груши, то художники, стоящие на точке зрения буржуазии, должны восставать против указанных стремлений. Искусство времен упадка «должно» быть упадочным (декадентским). Это неизбежно»²⁴. Бессмысленно, — говорит далее Плеханов, — возмущаться этим явлением, — и ссылается на «Манифест Коммунистической партии», где говорится, что в кульминационные моменты классовой борьбы наиболее передовые представители господствующего класса могут перейти на сторону революционного движения.

Эти размышления Плеханова подвергались особенно систематической критике со стороны Луначарского и других исследователей. В плехановском «должны» критика увидела утверждение фатальной предопределенности общественного поведения художника, невозможности перейти им круг, очерченный классовой идеологией. При этом обращалось внимание на неудачность ссылки Плеханова на «Манифест...»: приводимая мысль из этого документа как бы разрушала предварительную посылку.

В понятие «должны» Плеханов вложил иной, чем его критики, смысл. Труд людей осуществляет законы истории, но история в своем движении мало считается с субъективными желаниями — таково убеждение Плеханова, положенное им в основание тезиса о должнствовании. Можно желать, чтобы яблоны приносила груши, а буржуазный художник обратился к идеям пролетариата. Но одного желания мало. Возможность желания не ограничивается. Необходима объективная основа.

Классовая борьба и порождаемое ею умонастроение отрывают от господствующего класса часть его бывших привержен-

цев. Но, чтобы художником овладело стремление к передовым идеям, необходимы определенные общественные условия, смысл и характер которых зависит от революционной борьбы пролетариата. Без этого буржуазные художники в силу классовых убеждений должны быть буржуазными.

Возражая народническим иллюзиями о самобытном пути России, отвергая их абстрактные требования к государству, В. И. Ленин четко сформулировал сущность должнствования субъективистов: «Государство, к которому вы обращаетесь, современное, данное государству должно становиться на точку зрения той нравственности, которая мила высшей буржуазии, должно потому, что таково распределение социальной силы между наличными классами общества»²⁵. Именно то же имел в виду и Плеханов. За теоретической поддержкой он и обратился к знаменитому коммунистическому документу.

Плехановский принцип единства объективности эстетической науки и пролетарского пристрастия исследователя имел глубокое основание в марксистской методологии. Рассматривая вопрос об объективности материализма, В. И. Ленин указывал на радикальное отличие объективиста от материалиста. Там, где объективист говорит о необходимости данного исторического процесса, — писал он, — материалист констатирует конкретную общественно-экономическую форму и порождаемые ею антагонистические отношения; где объективист говорит о «непреодолимых исторических тенденциях», — материалист исследует класс, который «заведует» экономическим порядком. Вследствие этого, если объективист рискует сбиться на точку зрения апологета необходимого ряда фактов, — «материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения»²⁶.

Тезис Плеханова о степени публицистичности, определяемой мерой научности социологического анализа эстетика, близок приведенному положению Ленина о том, что, вскрывая классовые противоречия, материалист тем самым определяет свою точку зрения. Плеханов неоднократно подчеркивал, что рабочий класс не может не пошевелинуться, не приведя в движение всего общества. Пролетарская тенденциозность таким образом заложена в научном характере эстетики, потому что пролетариат более всех классов заинтересован в истине о сущности общественных отношений, перспективах и исходе классовой борьбы.

Подобное отношение пролетариата к истине о своем положении, потребностях и целях было характерно, как мы видим, для XIX столетия, когда рабочий класс вышел на всемирную арену. Именно этот уровень его развития, тенден-

²³ Г. В. Плеханов. Искусство и литература. М., 1948, стр. 297.

²⁴ Г. В. Плеханов. Сочинения. М.-Пг, 1923—1928, т. XIV, стр. 178.

²⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. I, стр. 404.

²⁶ Там же, стр. 418.

циозности его теорий и идеологов отразился в рассуждениях Плеханова.

Особый характер XX века — эпохи империализма и пролетарских революций — не был до конца понят Плехановым. Этот революционный характер сказался и на самой истине о пролетариате — она включила момент чрезвычайной активности в выражении и защите политического самосознания рабочего класса. Потому-то В. И. Ленин, следом за характеристикой объективности материализма, писал: «С другой стороны, материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»²⁷.

Пролетарская тенденциозность искусства и литературы, развитая эстетической теорией Плеханова, хотя и не поднялась до научного уровня ленинского принципа партийности, несомненно, была ступенью к нему. Она указывала искусству тот единственный путь, на котором возможны подлинное развитие, художественные открытия и действительное единение с народом.

Плеханов был глубоко убежден, что свет знаний, открываемых гениями, должен перейти в массы, развить их самосознание, сделать их центральным героем истории. Придавая этому положению выдающееся значение, он указывал на обусловленность высоты эстетического состояния искусства степенью развитости движения народных масс.

Указав, что история отечественной литературы мало рассматривалась с точки зрения общественной психологии, взаимной борьбы классов, Плеханов подчеркивал роль «крепостной передней» в деле нравственного развития передовых дворян — представителей «отрицательного» направления в русской общественной мысли. Тесное общение с народом, по его мнению, забросило «первые семена» «отрицательного» настроения в поэзию Лермонтова. Тем значительней это влияние на Герцена, чья ненависть к рабству и произволу внушалась ему крепостной прислугой.

Чем больше обострялась классовая борьба, тем сильнее становилось влияние народа на характер общественной жизни, искусства и литературы. Рассматривая творчество литературных народников, Плеханов писал, что перед мыслящими людьми России встал ряд важнейших вопросов, которые нельзя было разрешить без ориентации на народ и всестороннего изучения его интересов, стремлений, мирозерцания.

Выразить дух народа в литературе и искусстве означало художественно освоить то радикально новое, что становилось характерным для него в процессе классовой борьбы, что

²⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., стр. 418—419.

обуславливалось его возросшим самосознанием. Плеханов развил понятие народности, глубоко осмысленное в эстетике революционных демократов. По тонкому замечанию А. Лаврешко, народ стал ими пониматься не в качестве объекта, воплотившего предначертанную неизбежность страдания, но в качестве субъекта, способного к решительным действиям²⁸. Этот момент и нашел глубокое выражение в революционно-демократическом долженствовании.

По теории Плеханова²⁹, развитие освободительного движения обусловило эволюцию представления о народности у художественной интеллигенции. С одной стороны, в ходе классовой борьбы она проявляется во все более четком политическом осознании и защите идеалов народа. С другой, — борьба классов конкретизирует само понятие «народ». Некогда революционная французская буржуазия выступила как выразительница интересов всей нации за исключением аристократии, и только историческое развитие современного общества уточнило, из каких «противоположных элементов» состоял «народ» и какой из них имеет прогрессивное значение.

Как ни были революционны французские материалисты. — замечал Плеханов, — они обращались только к «просвещенной буржуазии». «Но буржуазия была и могла быть только наполювину революционной. Маркс обращается к пролетариату, к классу революционному в полном смысле слова»³⁰. В эпоху революционного движения рабочего класса его освободительные идеи выражают общенародные интересы (понимая под ними, как и В. И. Ленин, интересы рабочих и крестьян).

Рассматривая процесс становления народности искусства, Плеханов выдвигает положение, имеющее общеметодологическое значение: о **плодотворности и благоприятности** для развития литературы и искусства **революционных периодов**. Классовая борьба в эпоху Великой французской революции «не заглушила эстетических потребностей народа; совершенно наоборот. Великое общественное движение, сообщившее народу ясное сознание своего достоинства, дало сильный, небывалый толчок развитию этих потребностей». Революционное искусство не умерло, оно не перестало быть им, но

²⁸ А. Лаврецкий. Белинский, Чернышевский, Добролюбов в борьбе за реализм. М., 1968.

²⁹ Не забывая о заслугах Плеханова и вместе с тем его заблуждениях в понимании народности реалистического искусства, сказавшихся, в частности, в противоречивой оценке Л. Толстого, М. Горького, мы сознательно ограничиваемся рассмотрением народности в пределах проблемы «от долженствования к пролетарской тенденциозности».

³⁰ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, М., 1956, т. II, стр. 193.

лишь прониклось новым духом — оно стало политическим искусством, выражавшим политические идеи революционных граждан. Плеханов подчеркивает ошибочность суждений о бесплодности политического искусства, указывая, что и «неподражаемое искусство древних греков» и искусство иных эпох было политическим. Тем более это характерно для революционных эпох: «санюлоты» вывели его «на такой путь, по какому не умело ходить искусство *высших классов*: оно становилось *всенародным делом*»³¹.

Эти положения примечательны во многих отношениях, обнаруживая сущность понимания Плехановым **тенденциозности** политического искусства: искусство приобретает **всенародный** характер по мере того, как вырастет **революционная тенденциозность**. Плеханов указывает на высоту эстетического достоинства «санюлотского» искусства. Но французская буржуазия, как говорил он, была революционной наполовину. Вследствие этого и, общенародные идеалы получили своеобразно ограниченное отражение в искусстве.

Не отказываясь от политического духа, искусство могло проникнуться высшей степенью народности лишь обратившись к идеям рабочего класса. Революционный «в полном смысле слова» рабочий класс сообщит искусству «самое высокое содержание, потому что только рабочий класс может быть истинным представителем идеи *труда и разума*»³². Служа объединению и общению самых широких масс, пролетарское искусство становится **всенародным**.

Это будет прекрасное искусство, — писал Плеханов, — оно будет выражать «всестороннее развитие человека ... оно будет чуждо буржуазной ограниченности, оно возродит полноту греческого искусства»³³. Он был убежден: после социалистической революции упрочится и расцветет новое, социалистическое искусство. Он многое сделал для обоснования его теории, для защиты его первых представителей. Критически развивая категорию революционно-демократического должностования, Плеханов пришел к одному из важнейших положений, имеющих несомненное значение для современного развития социалистического искусства, — к обоснованию пролетарской тенденциозности как эстетической ценности.

³¹ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения. М., 1956, т. V, стр. 432.

³² Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, т. 2, М., 1958, стр. 186.

³³ Г. В. Плеханов. Искусство и литература. М., 1948, стр. 324.